военного быта мы обнаружим богатую и последовательно проводимую стилистическую систему.

В чем причина этого явления? Можно предположить, что многие словосочетания, которые мы рассматриваем как «воинские формулы», имели широкое распространение в живой речи: они были терминологическими формулами в обращениях князей к дружине, в речах послов, в донесениях воевод или начальников сторожевых отрядов. Не случайно, видимо, язык содержащихся в летописи диалогов и монологов часто насыщен традиционными формулами. Мы далеки от мысли, что летописец имел возможность точно воспроизвести слова данного князя в данный момент, но несомненно, что в уста персонажей он вкладывал употребительные в таких случаях обороты речи. (Нас не должно смущать, что иногда князья произносят и пространные молитвы, определенно сочиненные летописцем: в обоих случаях мы встречаемся с проявлением литературного этикета: обращаясь к дружине или союзникам по брани, князь говорит то, что приличествует ему как воину, — здесь летописец мог опираться на традиции реальных княжеских или посольских речей; обращаясь к богу, князь говорит то, что приличествует ему как благоверному христианину, — здесь летописец вкладывает в его уста слова, сочиненные им для прославления христианских добродетелей князя). Характерно, что формула «сложить голову» (погибнуть в бою) встречается в ПВЛ только в составе прямой речи. В прямой речи употреблены и такие формулы, как «стати крѣпко», «ввергнути ножь», «створити миръ» и др. Вот один из интереснейших примеров.

В рассказе о расправе Ольги с жителями Искоростеня мы читаем: «И побѣгоша людье изъ града, и повелѣ Ольга воемъ своимъ имати а̀, яко взя градъ и пожьже и; старѣйшины же града изънима, и прочая люди овыхъ изби, а другия работѣ предасть мужемъ своимъ» (ПВЛ, стр. 43). Сообщение летописца о судьбе жителей Искоростеня едва ли привлечет к себе особое внимание: такая расправа с побежденными совершенно естественна; не заметно здесь и следов литературного приема. Но обратимся к памятнику, созданному приблизительно в те же годы, что и летописный рассказ, — «Поучению» Владимира Мономаха. (Напомним, что рассказ о четвертой мести Ольги — позднейшая вставка создателя 1-й редакции ПВЛ Нестора и может быть отнесена к 1112—1113 гг.;[9] «Поучение» Мономаха предположительно датируется 1117 г.).[10] В этом произведении, несомненно более близком по языку к живой речи (особенно в автобиографической части), мы несколько раз встретим сходные выражения при описании судьбы побежденного войска: часть воинов «избита», часть «изымана», взята в плен. Например: «...на Деснѣ изьимахом князи Асадука и Саука, и дружину ихъ избиша» (стр. 159);[11] «...а наши онѣхъ (половцев) боле избиша и изьимаша (стр. 160); «...идохом на вои ихъ (половцев) за Римовъ, и богъ ны поможе — избиша и, а другия поимаша» (стр. 161). В речь Мономаха эта традиционная формула попала, вероятно, из живой военной терминологии. Она не является особенностью речи автора «Поучения»: в Ипатьевской летописи, начиная с записей 1149 г., мы встретим ее необыкновенно часто (на стр. 267, 279, 303, 306, 310, 327, 348, 355, 359, 360 и т. д.).[12] Летописец 30 годами позднее,

---

[9] См.: А. А. Шахматов. Повесть временных лет, т. I. Пгр., 1916, стр. XLI, 66—68; Д. С. Лихачев. Повесть временных лет. (Историко-литературный очерк), стр. 102, 119.

[10] ПВЛ, т. II, стр. 425—432.

[11] Цитирую по тексту, приведенному в ПВЛ, т. I, стр. 153—167.

[12] Летопись по Ипатскому списку, изд. Археографическою комиссиею. СПб., 1871.